

Молитесь за меня, мама (из жизни)

Описание

Бог милует только тех, кто сожалеет о своих грехах и загладил их или покаянием или делами милосердия.

(Святитель Иоанн Златоуст)

Человек должен быть или верующим или ищущим веры. Иначе он пустой человек.

(А.П.Чехов)

Дорогие мои, чадца Божии, верьте Богу, доверяйтесь Ему! Примите все в жизни: и радость и безотрадность, и благоденствие и злоденствие – как милость и истину путей Господних, и ничего не бойтесь в жизни, кроме греха

(Архимандрит Иоанн Крестьянкин)

С самого раннего возраста нам объясняют, как важно принимать разумные решения. Родители научают нас рассуждать, чтобы в будущем мы не оказались в затруднительных или безвыходных положениях. Иногда нас пугают, предупреждая, что глупость или нерасторопность может лишить выгодных условий жизни. Ведь, чтобы хорошо жить, нужно хорошо учиться, а затем найти хорошую работу. Нужно правильно расставлять приоритеты, всегда стремиться к лучшему, быть готовым, не упустить возможность.

Все это верно. Родители чаще всего правы. Родители — это вообще такие специальные люди, которые приставлены Богом к конкретному ребенку, чтобы сделать его жизнь лучше и безопаснее, чтобы беречь его, а самое главное любить. Но иногда разумность и любовь входят в конфликт, и тогда с удивлением открываешь, что они могут быть врагами. А затем узнаешь, что война эта не новость и длится так давно, что временами кажется, будто нет ее вовсе или, что она часть мироздания.

Тема этой истории — аборт. Мне кажется, очень важно с самого начала сказать об этом. Потому что люди сегодня, очень ищут позитив. Здесь его нет. Ну..., не совсем так категорично. На самом деле позитив есть, но не такой очевидный. Если вы настроены на легкую историю с приятными чувствами — бегите без оглядки, я вас прикрою. Если же вы остаетесь здесь, тогда...

Женщины, о которых пойдет речь, очень мне дороги. Их имена, внешность и даже место действия я изменила, чтобы ничем не указать на них. Никого я не сужу, лишь скорблю вместе с ними и молю Господа о прощении. Как говорил преподобный Ефрем Сирин: «Не нападай на брата своего в день скорби его и к душевной скорби его не прилагай новой скорби».

Ну, с Богом!

В Петербурге лето. Многие разъехались, храмы опустели. Теплый ветер, игривое солнце, трамваи весело брякают по проспекту, а две женщины решили остановиться и выпить чаю. Случайно прихватили и меня.

В маленькой квартире длинный стол и табуретки, солнце свободно льется сквозь раскрытые окна. Лариса ставит чайник, присаживается на край. Ей не много больше пятидесяти. Темные волнистые волосы и большие прекрасные глаза. Даже улыбаясь, она остается печальной. Лариса по-настоящему нравится мне. Она очень добрая и ласковая. С нами еще одна девушка, около тридцати лет. Она молчит, распаковывает печенье, расставляет чашки. Пахнет ванилью. Женщины тихие и молчаливые, мне с ними трудно. Я не умею быть скромной. Всегда ощущаю себя слишком заметной и раздражающей, даже когда молчу.

Лариса улыбается мне, спрашивает:

— Зеленый или черный?

— Всегда черный, — чересчур громко отвечаю я и мысленно закатываю глаза.

Она кивает и грустно улыбается. Чайник закипает. Девушка садится за стол и окончательно затихает. Мы делаем чай, обмениваемся ничего не значащими фразами, потом и они сходят на нет.

Я слышу, как на улице шумит ребетня. Смех и визги, сменяются требовательными окриками и совсем не понятным шумом. Я буквально вижу их игру. Если бы у меня были усы и борода, тогда я бы в них посмеивалась. Но их нет.

— Ты чего? — спрашивает меня Лариса.

— Да дети, — мотаю головой в сторону, — властелины солнечного дня, — и задаю типичный в таких случаях вопрос, — у вас есть дети?

— Да, — кивает Лариса, — дочь и внук уже.

Я присвистываю и спрашиваю девушку:

— А у вас?

Она хмурится, нервно мешая чай. Затем набирает воздуха и одним залпом выдает:

— В шестнадцать лет я забеременела, но мама уговорила меня сделать аборт.

Больше у меня не будет детей. Я не достойна этого дара, настоящие матери так не поступают.

Я немного шокирована этим признанием, уставилась в чашку и жду чего-то.

— Я тоже делала аборт, — тихо говорит Лариса, — давно. И я тоже не могла себя простить.

— И как же простили? — спрашивает девушка, и я слышу в ее голосе сдавленное

негодование и даже вызов.

На улице голоса утихли, видно побежали играть в другой двор. И день уже не такой радостный.

— Не мне прощать, — произносит Лариса. — Надеюсь, Господь простит. Но... я могу рассказать вам, если хотите... — Она грустно улыбается.

Мы молчим, а она начинает свой рассказ.

— Это с самого начала было ужасно. Обстоятельства, как мне казалось, подтолкнули меня. А в сердце осталось не заживающая рана. Лжет тот, кто говорит, что аборт ничего не значит. Душа все знает. Об этом никогда не забываешь. Проходит время, и начинаешь считать, сколько малышу могло бы быть лет. А вот он уже мог бы пойти в школу. Очень тяжело. Если бы вместо страха о будущем я бы знала, что жизнь навсегда будет сломана, одним только этим решением... — Лариса тяжело вздыхает.

Девушка, молча, встает и закрывает окна. Свет обрывается. Душно. Потом она садится ближе к нам. Ее чашка остается на другом конце стола. Я ощущаю, что мир ужаснулся до нас троих, и время замерло. Тайна.

— Мать говорила мне, что я слишком молода, и мужа нет, — бормочет девушка. — И работу с ребенком не найдешь. А я теперь думаю, что ему могло бы быть десять... — она хватается рукой за горло. Бледная. — Такой взрослый, — сдавлено шепчет она. Лариса гладит ее по руке:

— Нельзя казнить себя, нужно каяться, — приговаривает она. — Бог милостив. Нет такого греха, который при искреннем покаянии остался бы без прощения. А отчаяние — от врага. Нельзя.

Я ощущаю себя неуютно, беспокоюсь, что смущаю своим присутствием женщин:

— Простите меня, — неуверенно произношу я, — может, мне уйти?

— Что ты, Васса?! — удивляется Лариса. — Зачем?

— Вам неприятно? — кивает девушка, словно поняла меня превратно.

— Вовсе нет, — возражаю я. — У вас такой разговор, а я случайно зашла...

— Ничего не бывает случайно, — обрывает меня девушка.

— Когда я пришла в Церковь, — продолжает Лариса, — то сразу поняла, что же натворила. Ужас от осознания был так велик, что я не ела, не спала, только плакала и не знала, как утешиться. Я не знала, как теперь жить дальше. Тогда подруга позвала меня в монастырь, сказала, что там есть старец, и с ним можно поговорить. Я незамедлительно поехала. Старец выслушал меня, потом ушел молиться, а затем

вернулся и дал большое правило. Его нужно было вычитывать сорок дней с поклонами и постом. Он сказал, что если буду стараться, Бог даст знать.

— Что за правило?! – с нескрываемой надеждой восклицает девушка.

Но Лариса качает головой:

— Старец запретил его передавать, — отвечает она.

— И что же дальше? – нетерпеливо спрашиваю я.

— А дальше... — Лариса опускает глаза.

Дальше начались эти сорок дней. Я была готова и больше читать. Все боялась, что сорока дней будет мало. И вот под конец срока мне приснился сон. Будто я просыпаюсь в своей квартире и слышу на кухне шум. Я иду туда. И вижу, в кухне стоит огромный чан, а вокруг него прыгает бес и что-то в нем мешает. «Пришла?», — спрашивает он меня. – «Ну, иди, смотри, что наделала». Меня обуял дикий ужас, и как будто я уже знаю, что там... в этом чане. От страха я проснулась. Рыдала до изнеможения... — Лариса замолкает. Смотрит на меня. От ее взгляда у меня перехватывает дыхание. Она теперь не плачет. В глазах у нее стоит нечто иное. Глубже, чем просто слезы, чище, бесстрастней, чем горе. В них скорбь, и я узнаю ее. Она улыбается мне и остается грустной.

— Ты ведь продолжила читать? – спрашиваю я.

Она кивает:

— Сон вернулся, — говорит она и опять опускает взгляд. – Я опять услышала, что на кухне кто-то есть. Пошла, зная, что сегодня уже пойду да конца. И опять тот же бес: «Смотри, что наделала». Я к чану подошла и увидела, что он полон ... детских тел и их частей. Я закричала и закрыла глаза руками. А в следующий миг, мне руки кто-то от лица убрал, и я увидела юношу, одетого в подрясник... прекрасного и такого родного. Он посмотрел мне прямо в глаза, и я все поняла. Поняла, что это мой не рожденный сын, который должен был родиться, чтобы стать монахом. Что он был Божий дар — молиться за весь наш род. Оттого лукавый так и подступил. А я.... Сын постоял, отвернулся и пошел от меня. Не было больше ни кухни, ни чана, не мерзкого беса. Только спина моего сына, уходящего прочь. Я плакала и молила, чтобы он простил меня. Я не хотела верить, что он просто так уйдет. И вот он вдруг оглянулся и сказал только одно: «Молитесь за меня, мама», — и я проснулась.

После рассказа Ларисы я почти сразу ушла. Что-то пролепетала о срочности дел или иное. Я была шокирована, смущена, не знала, что думать и как чувствовать все

это. Ком стоял в горле. Как перенести горе, сотворенное собственными руками? Как вынести... Господи, помилуй! Я не осуждала и не осуждаю никого, кто принял или примет такое решение. Свобода выбора — есть дар Бога людям, как жизнь, как любовь. Но мы не всегда понимаем, что рассуждая разумно о будущем, можем ошибиться смертельно, безвозвратно.

Прошло два года, как состоялся тот разговор. Все это время я думала о нем, решала, как рассказать, и стоит ли? Пыталась понять, что этот разговор может дать другим людям. Ведь момент такого решения интимный. По сути, он происходит в душе девочки, девушки, женщины. Какая разница, что говорят другие? Не им потом «расхлебывать эту кашу»! Теперь-то я знаю, что в этот миг несчастная плотно окружена врагом невидимым, который пугает, шепчет, давит, доводит до отчаяния. Да еще родные могут оказаться не близкими, а близкие не родными. И тогда я решила спросить ту самую девушку. Могло ли что-то остановить ее тогда? И что бы она сказала другим девушкам, оказавшимся на этом пути? Ее слова и закончат этот рассказ:

«Когда идешь на аборт, внутри холодно от страха и сомнений. Веры нет. Одна пустота...

На самом деле ты знаешь, что совершаешь нечто ужасное, но все пытаешься уговорить себя, что это от страха за здоровье. Что пугает операция. Но здоровье тут не причём. Просто ты идешь убивать своего ребенка, и от этого весь ужас. Все разговоры о том, что на маленьких сроках ничего там нет — ложь. Каждая из нас знает, что он уже живой и настоящий с первого дня. Только ложь окружающих и собственная неуверенность способны подтолкнуть к такому пути. Если бы тогда я знала, что миг беременности — это момент, когда сам Господь решил одарить меня ребенком и сделать меня матерью! А значит, сам Бог знает, что я готова. Если бы я понимала, что есть враг, который спешит уничтожить мою душу, лишит жизни моего ребенка, и для этого лжет, пугает, вызывает во мне отчаяние. И целая армия вокруг меня помогает ему в этом. Если бы я знала тогда, что Господь никогда не оставит одинокую мать без помощи и пропитания. Стоит лишь помолиться Ему, и Он поможет. Если бы я знала, что никогда не смогу простить сама себя за этот выбор. Если бы я знала, что родители — это вообще-то такие специальные люди, которые приставлены Богом к конкретному ребенку, чтобы сделать его жизнь лучше и безопаснее, чтобы беречь его, а самое главное любить. Если бы моя мама сказала: «Не бойся милая, я с тобой», — тогда ничто не смогло бы заставить меня

пройти тот коридор. Чтобы не ступить на эту дорогу, нужно не так уж много: верить, что все будет хорошо, всем сердцем полагаться на Бога и, самое главное, не слушать врага. Смерть - это то, что выбрал для нас враг, а Бог дарит жизнь вечную! Тем, кто все же прошел, скажу — вся боль в вашей жизни от этого нераскаянного греха. Поспешите к Богу, покайтесь, и Он излечит вашу душу. Пока мы живы, все можно изменить».

Категория

1. Рассказы

Дата Создания

28.11.2024

Автор

u239073